

какъ нужно служить музыкѣ, и какъ можетъ служить сама музыка» (тамъ-же). Неужто авторъ не замѣтилъ, какая несуразность заключается въ томъ, что второстепенные сочинители музыки выдвигаются имъ въ качествѣ примѣра для тѣхъ величайшихъ музыкальныхъ гениевъ, о которыхъ онъ говоритъ—и такъ проникновенно—въ своей книгѣ? Плохо дѣло, если Тапфевъ и Рубинштейнъ должны что-то «показывать» Чайковскому и Мусоргскому. И потомъ, что означаетъ упоминаніе объ «ораторіяхъ»? Авторъ словно забылъ о своихъ собственныхъ, замѣчательно вѣрныхъ, разсужденіяхъ о различіи между ирраціональной и невыразимой музыкальной «идеей» и программой, рационально «излагаемой» въ «либретто». Не было никакой нужды такъ рѣшительно вмѣшиваться въ «борьбу за логосъ» противъ мелоса (стр. 142) для того только, чтобы, въ концѣ концовъ, предложить условія перемирія, явно неудовлетворительныя для обѣихъ сторонъ.

П. Бицилли.

Россия и Запад. Исторические сборники под ред. проф. Заозерского. I Петербург. 1923

Повидимому, это долженъ былъ быть неперіодическій журналъ по русской и всеобщей исторіи. I-й сборникъ (насколько я знаю, другіе не появлялись) состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, библиографическихъ обзоровъ монографическаго характера и рецензій. В. А. Бримъ въ маленькой статьѣ (происхождение термина « Русь ») предлагаетъ гипотезу, связывающую « Русь » съ др. шведск. « drót » — толпа, дружина. Не берусь судить о томъ, насколько это мнѣніе выдерживаетъ критику съ чисто филологической точки зрѣнія; исторически же оно весьма соблазнительно, т. к. « Русь » дѣйствительно была дружиною. Г. П. Фодотовъ (Боги подземные) изслѣдуетъ исторію возникновенія культа святыхъ вокругъ невѣдомыхъ гробницъ въ Меровингской Галліи (по агиографическимъ и эпиграфическимъ даннымъ) и доказываетъ — совершенно неопровержимо — связь этого культа съ переживаніями античнаго культа мертвыхъ. Въ методологическомъ отношеніи эта статья — верхъ совершенства. Авторъ показалъ, что исторія духовной жизни можетъ быть точной наукой. Мастерству изслѣдовательской работы соответствуетъ у автора еще одно качество, отличающее историка первой величины : великолѣпный по тонкости, точности и выразительности языкъ. Надо обладать непогрѣшимой исторической интуиціей, чтобы сумѣть дать такой стихотворный переводъ латинской эпитафіи, какой далъ авторъ. М. Д. Приселковъ (Борьба двухъ міровоззрѣній) прослѣживаетъ на основаніи данныхъ др. русской письменности борьбу двухъ струй въ религиозной культурѣ Кіевского періода : аскетической, холодной, ученой, идущей изъ Византіи, и «народной», жизнерадостной, близкой по настроенію къ раннему христіанству, выходящей имъ изъ Болгаріи. Очень желательно, чтобы на эту работу обратила вниманіе болгарская наука. Статья Е. З. Вулихъ (Изъ міра торговыхъ отношеній въ Москвѣ XVII в.), скончавшейся въ 1920 г., представляетъ собою

не получившей окончательной обработки пересказъ случайно найденныхъ авторомъ въ Моск. Арх. Мин. Юст. матеріаловъ : переписки Московскихъ торговыхъ людей, взявшихъ подрядъ на поставку рыбы во дворецъ изъ Астрахани. Переписка очень интересна въ бытовомъ отношеніи. Что даетъ она для пополненія нашихъ свѣдѣній объ организаціи торговли въ Московскомъ государствѣ, было повидимому неясно самому автору, не рѣшившемуся ни на какіе выводы **А. И. Заозерскій** (Экспедиція на Мадагаскаръ при Петрѣ В.) освѣщаетъ любопытнѣйшій эпизодъ изъ исторіи внѣшней политики въ петровское царствованіе. Отправляя экспедицію съ «поздравленіемъ» «высокопочтенному королю... славнаго острова Мадагаскарскаго», Петръ шелъ по слѣдамъ своихъ учителей шведовъ, но преслѣдовалъ свою, болѣе широкую и смѣлую цѣль : Мадагаскаръ ему былъ нуженъ, какъ станція на пути въ Индію. Надо - ли говорить о томъ, какую важность представляетъ это маленкое изслѣдованіе русскаго ученаго для зап. европейской науки, только теперь обратившейся къ интенсивному изслѣдованію начатковъ европейскаго «мірового империализма»? **Ю. В. Готье** (Изъ исторіи законодательной мысли XVIII в.) даетъ справку о западныхъ источникахъ Наказа главной полиціи въ комиссіи 1767 г. (нѣмецкіе «полицейсты»). Статья покойнаго **А. Н. Савина** (Николай I и Фридрихъ - Вильгельмъ IV, 1840-1848) является анализомъ переписки двухъ государей, въ той части ея, которая была доступна автору (хранимой въ Собств. библ. Зимняго Дв.). Въ высшей степени интересны письма Ник. Павл. за время революціоннаго движенія въ Пруссіи, раскрывающія его идеологію самодержавія. Превосходны, художественны и психологически проникновенны характеристиками обоихъ представителей отмирающаго абсолютизма «Фрица», сложной и богатой натуры, романтика на тронѣ, «король-философа», живущаго душою въ фантастическихъ и условныхъ «среднихъ вѣкахъ» и въ то же время очень чуткаго къ дѣйствительной жизни, кончающаго безуміемъ, и «реалиста» Николая, «трезваго», самоувереннаго, не допускающаго никакихъ «возможностей» за предѣлами своего несложнаго и категорически - яснаго міровоззрѣнія, тѣмъ самымъ еще большаго «фантаста», чѣмъ его корреспондентъ. Обобщеніе Савина («Фантастами были они... какъ . почти **всѣ** значительные по своимъ личнымъ свойствамъ самодержавцы, наследственные и **самодѣльные**... которымъ въ обстановкѣ условности, лести, лжи... необычайно трудно не то, что провидѣть грядущее, а просто... разглядѣть и расцѣпить свое непосредственное окруженіе») скрываетъ въ себѣ удачный намекъ, но явно неисторично. Оно приложимо къ «Фрицу», но не къ Фридриху II, къ Николаю I, но не къ Петру, къ Ленину, но не къ Кромвелю, ни къ одному изъ тѣхъ самодержавцевъ, въ которомъ дѣйствительно таинственнымъ способомъ воплощается «общая воля». Последняя статья сборника **Б. А. Романова** (Впите паканунъ русско-яп. войны), содержитъ анализъ документовъ проливающихъ свѣтъ на сложную и упорную игру, которую велъ этотъ замѣчательный государственный человѣкъ для того, чтобы обезвредить ничтожнаго Безобразова, истиннаго виновника (что

предвидѣли Витте и Ламздорфъ) нашей катастрофы на Д. Востокѣ. Уже изъ краткаго обзора видно, какъ важенъ и интересенъ для всякаго историка этотъ Сборникъ. Чрезвычайно жаль, что дальше перваго № дѣло не пошло.

П. Б.

A. N. Sack. Les effets des transformations des Etats sur leurs dettes publiques et autres obligations financières. I. Dettes publiques. Avec une préface de N. Politis. Paris. Société anonyme du Recueil Sirey, 1927.

Русская наука можетъ по всей справедливости гордиться появленіемъ за рубежомъ такихъ изслѣдованій, какъ новая книга А. Н. Зака, посвященная судьбѣ государственнаго долга въ случаѣ политическихъ и территоріальныхъ измѣненій государствъ. Въ своемъ предисловіи къ его книгѣ Политисъ говоритъ: «Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что г. Закъ исполнилъ задачу, которую онъ себѣ поставилъ, съ полнымъ успѣхомъ: ему удалось собрать данныя рѣдкаго богатства. Съ терпѣніемъ бенедиктинца - мирянина и умѣніемъ опытнаго ученаго, онъ прослѣдилъ длинную цѣпь договоровъ о присоединеніи территорій и опредѣленіи судьбы долговъ за 150 лѣтъ и анализировалъ ихъ содержаніе; онъ изслѣдовалъ порядокъ ихъ выполненія, законодательныя, административныя и судебныя мѣры, которыя оно вызвало; онъ собралъ и классифицировалъ мнѣнія всѣхъ авторовъ, которые писали объ этомъ предметѣ. Онъ сумѣлъ, наконецъ, использовать этотъ огромный матеріалъ, съ изумительнымъ чутьемъ практическихъ надобностей, чтобы объяснить, до мельчайшихъ подробностей, юридическую природу наслѣдованія долговъ, обязанности должниковъ и права кредиторовъ, отношенія между государственными-преемниками, способы разверстки между ними долговъ и системы установленія ихъ долей участія въ долгѣ». Съ этимъ отзывомъ нельзя не согласиться: на лицо совершенно выдающееся научно-систематическое усиліе, одновременно внушенное подлиннымъ теоретическимъ интересомъ и напряженнымъ чутьемъ дѣйствительности.

Чтобы понять значеніе вопроса, достаточно вспомнить два факта: величину размѣровъ современнаго государственнаго кредита, захватившаго денежныя средства огромныхъ массъ, и непрерывную измѣнчивость территоріальнаго состава государствъ - должниковъ, неизменно отражающуюся на судьбѣ ихъ долговыхъ обязательствъ. А. Н. Закъ включилъ въ свое изслѣдованіе, по теоретическимъ соображеніямъ, за которыми нельзя отрицать научнаго вѣса, кромѣ анализа послѣдствій для долга территоріальныхъ измѣненій еще и результаты измѣненій политическаго строя государствъ, могущіе отражаться на государственномъ долгѣ (напр., русскій долгъ послѣ большевистской революціи). Но даже и безъ этой добавки къ основной темѣ изслѣдованія трактуемая имъ основная проблема имѣетъ первостепенный теоретическій и практический интересъ. Достаточно вспомнить то, что случилось послѣ великой войны, когда пришлось разверстать го-